

Футуризм

Слово «футуризм» впервые появилось в заглавии манифеста итальянского поэта Филиппо Томмазо Маринетти, напечатанного 20 февраля 1909 году в парижской газете «Фигаро». Год спустя появились манифесты футуристов в живописи и музыке. Название своего течения они производили от латинского слова *futurum* — «будущее». Попытки создать искусство, устремленное в будущее, сочеталось в их манифестах и стихах с отрицанием искусства прошлого. В Италии, чтящей памятники Древнего Рима, средневековья, эпохи Возрождения, это звучало особенно вызывающе. Футуристы в своих произведениях отказывались от чувств, определявших этику людей прошлого, — жалости, неприятия насилия, уважения к другим людям. Многие итальянские футуристы воспевали технику, отрицая влияние эмоции, поддерживали военные устремления своей страны, а некоторые впоследствии и фашизм Муссолини.

Во всем этом проявилась отрицательная сущность итальянского футуризма, хотя некоторые его художественные достижения вошли в фонд мирового искусства. Например, стремление к синтезу искусств (особенно взаимовлияние литературы и живописи), поиски новых средств поэтической выразительности, попытки создать непривычный тип книги, которая бы воздействовала на читателя не только своим содержанием, но и внешней формой.

В России футуризм на первых порах проявился в живописи, а только потом — в поэзии. Художественные поиски братьев Д. и Н. Бурлюков, М. Ларионова, Н. Гончаровой, А. Экстер, Н. Кульбина, М. Матюшина и других были как бы художественной предысторией русского футуризма.

Саму же его историю надо начинать с 1910 года, когда из печати вышли два сборника: довольно умеренная «Студия импрессионистов» и уже предварявший собственно футуристические издания «Садок судей», отпечатанный на обратной стороне обоев. Участники второго сборника — братья Бурлюки, В. Хлебников, В. Каменский, Е. Гуро — и составили основное ядро будущих кубофутуристов. Приставка «кубо» идет от пропагандировавшегося ими в живописи кубизма; иногда члены этой группы называли себя «гилейцами», а Хлебников придумал для них наименование «будетляне». Позднее к кубофутуристам присоединяются В. Маяковский, А. Кручёных и Б. Лившиц.

Тем временем в Петербурге возникли эгофутуристы (от лат. *ego* — я). Это течение возглавлял Игорь Северянин. Первые его брошюры, в том числе и «Пролог эгофутуризма» (1911), особого интереса у читателей не вызвали, пока не возникла небольшая группа поэтов, объединившихся вокруг И. Северянина. Они основали издательство «Петербургский глашатай», выпускавшее одноименную газету (вышло всего два номера) и альманахи под выразительными заглавиями: «Засахаре Кры», «Небокопы», «Стеклянные цепи», «Орлы над пропастью» и т. п. Их стихи, при всей экстравагантности и довольно робких попытках создавать собственные слова, обычно не столь уж резко отличались от общепринятой поэзии. Не случайно первый большой сборник стихов Северянина назывался словами из хрестоматийного стихотворения Тютчева — «Громокипящий кубок», а предисловие к нему написал поэт-символист Ф. Сологуб. Фактически Северянин остался единственным из эгофутуристов, вошедших в историю русской поэзии. Его стихи, при всей их претенциозности, отличались своеобразной напевностью, звучностью и легкостью.

Существовали также две группы футуристов: «Мезонин поэзии» и «Центрифуга». Каждая из этих футуристических групп считала, как правило, именно себя выразительницей «истинного» футуризма и вела ожесточенную полемику с другими группировками, но время от времени члены разных групп сближались. Однако, говоря о футуристах, мы чаще всего имеем в виду деятельность кубофутуристов. После появления

альманаха «Поощечина общественному вкусу» (декабрь 1912) с одноименным манифестом, после многочисленных диспутов по поводу картин и стихов о кубофутуристах заспорили. Вызвано это было прежде всего талантливостью поэтов, причислявших себя к этой группе, — Маяковского, Хлебникова, Каменского, в несколько меньшей степени — Д. и Н. Бурлюков, Гуро, Лившица. Появлявшиеся в сборниках под нарочито вызывающими заглавиями («Дохлая луна», «Бух лесиный», «Затычка», «Рыкающий Парнас», «Требник троих» и др.), их стихи сперва воспринимались читателями как попытки раздражить вкусы и привычки буржуа. Но при внимательном чтении обнаруживалось и другое: за антиэстетичностью — ненависть к поддельной, ненастоящей красоте; за грубостью выражений — стремление дать язык «безъязыкой улице»; за непривычными словообразованиями — попытки создать «единый смертных разговор»; за непонятными картинками, воспроизводимыми в книгах, — новые принципы видения мира. Наконец, в произведениях футуристов начала появляться и та острая социальность, которая была особенно резко выражена в поэзии Маяковского, а потом и у других авторов.

Стоит отметить, что русский кубофутуризм и итальянский футуризм были далеко не однородны. Во время приезда Маринетти в Россию (1914) Лившиц и Хлебников резко против него выступили. Особенно обнажилась непримиримость двух футуристов с наступлением первой мировой войны. Итальянские футуристы ее приветствовали, русские же, особенно Маяковский и Хлебников, гневно осуждали. Война вообще обострила социальное зрение кубофутуристов. В эти годы Маяковский печатает в журнале «Новый Сатирикон» свои сатирические «гимны», оказавшийся в армии Хлебников пишет ряд антивоенных стихов. В 1915 году Горький уже говорит о том, что «русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Д. Бурлюк, В. Каменский». В эти годы он часто видится с Маяковским, знакомится с Бурлюком, включает Маяковского в список постоянных сотрудников своего журнала «Летопись», в руководимом им издательстве «Парус» выходит книга Маяковского «Простое, как мычание».

Революцию большинство футуристов приветствовали как шаг к тому будущему, к которому они и стремились, однако возобновление прежней группы оказалось уже невозможным. Наиболее политически активная часть предреволюционных футуристов вошла в организованный в 1922 году «ЛЕФ» («Левый фронт искусств»; его возглавил Маяковский) и, следовательно, в советскую литературу.

При всех своих внутренних противоречиях футуризм сыграл определенную роль в становлении принципов творчества таких крупнейших советских поэтов, как Маяковский, Хлебников, Пастернак, Асеев.